

МУРАДГЕЛДИ СОЕГОВ

доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана
Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)
msoyegov@gmail.com

СЫНЫ ТУРКМЕНИСТАНА В САНДАРМОХЕ

Кратко освещается жизненный путь трех видных деятелей Туркменистана, расстрелянных в Сандармохе (Республика Карелия) 27 октября 1937 года – в день 13-летия образования Туркменской ССР. Основной целью работы является реконструкция биографий этих туркменских деятелей, погибших в годы сталинского Большого террора. На основе анализа нового конкретного материала указывается на то, что 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР (контрреволюционная деятельность) 1926 года (и ее последующие редакции) послужила юридическим основанием для проведения карательными органами массовых репрессий, особенно в 1930-е годы, достигших своего пика в 1937–1938 годах. Не стали исключениями из этого общего правила и судьбы туркменских деятелей Кумушали (Кумуш Али) Бориева (1896–1937), Оразмаммеда Вепаева (Ораз Мамед Вафаев, 1885–1937) и Сейитмурада (Сеид Мурад) Овезбаева (1889–1937), которые 10 мая 1933 года были осуждены на 10 лет лишения свободы, а 9 октября 1937 года приговорены к высшей мере наказания. Данная информация впервые вводится в оборот для широкого круга читателей.

Ключевые слова: репрессии, Сандармох, Туркмения, Кумушали (Кумуш Али) Бориев, Оразмаммед Вепаев (Ораз Мамед Вафаев), Сейитмурад (Сеид Мурад) Овезбаев

ВСТУПЛЕНИЕ

В период сталинских репрессий конца 1930-х годов на территории Карелии погибли тысячи представителей разных народов бывшего СССР, среди них были и туркмены. Данная статья посвящена трем представителям туркменской интеллигенции – Кумушали Бориеву, Оразмаммеду Вепаеву и Сейитмураду Овезбаеву, осужденным и сосланным в Соловецкий лагерь особого назначения в 1933 году и расстрелянным в урочище Сандармох под Медвежьегорском 27 октября 1937 года.

Исследователи Туркменистана [8: 41–43] и некоторых стран СНГ (Азербайджан [5: 71–77], Казахстан [3: 71–75], [9: 20–25], Украина [6: 14–23]), а также отдельных республик Российской Федерации (Башкортостан [4: 262–266], Татарстан [7: 335–347]), а также Турции [12: 327–338] и Ирака [11: 14–20] в той или иной степени уже ознакомлены с жизнью и наследием видных туркменских деятелей 1920-х годов. Но в Республике Карелия, где вот уже более 80 лет покоятся их тела, данная информация неизвестна. В настоящем виде на русском языке статья публикуется впервые, но ранее была издана на турецком языке. Надеемся, что она окажется полезной для всех, занимающихся историей политических репрессий 1930-х годов.

На интернет-сайте «Ленинградский мартиролог» (Т. 6) имеется краткая информация о героях данной статьи [2]:

«Бориев Кумуш Али, 1896 г. р., уроженец аула Ходжа Мангышлакского р-на Казахской ССР, туркмен, участник съезда по созданию Кокандской автономии в 1917 г.,

переводчик хана Иомудского в 1919 г., б. член ВКП(б), литератор, составитель русско-туркменского словаря. Коллегией ОГПУ 10 мая 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО (Управление НКВД по Ленинградской области. – М. С.) 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и С. М. Овезбаев);

Вафаев Ораз Мамед, 1885 г. р., уроженец аула Кызылсу Красноводского р-на Туркменской ССР, туркмен. В СССР вернулся с Ирана. Обвинялся в связи с лидером Туркестанской эмиграции М. Чокаевым и подготовке восстания в Туркестане. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-4-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы К. А. Бориев и С. М. Овезбаев);

Овезбаев Сеид Мурад, 1889 г. р., уроженец с. Изгант Ашхабадского р-на, туркмен, б. офицер царской и Белой армий, экономист-плановик Госплана Туркменской ССР. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках, содержался в лагункте Кремль. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и К. А. Бориев)).

Далее рассмотрим жизненный путь К. Бориева, О. Вепаева и С. Овезбаева. Поскольку их биографии отличаются друг от друга не только по своему содержанию, но и по количеству выявленных архивных и других источников, полнота реконструкции биографии каждого из них тоже будет различной.

КУМУШАЛИ БОРИЕВ (1896–1937)

Кумушали (по старой орфографии: Кумуш Али / Комыш Али) Бориев (по-туркменски: *Kümüşaly Böri oğly*) родился в 1896 году в туркменской семье, которая занималась отгонным животноводством в окрестностях современного города Актау, что в юго-западном Казахстане. Их основным местожительством было село Ходжа. Кумушали с юности наряду с родным туркменским языком владел казахским, узбекским и некоторыми другими тюркскими языками. Образование получил в Ташкенте, в 1915 году окончил учительскую семинарию. На первых порах своей самостоятельной жизни он вместе с Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941) и другими деятелями принимал активное участие в бурных политических событиях, происходивших в Туркестане. Сотрудничал с казахской газетой «*Бірлік туы*». После 1918 года работал представителем Туркменской области в центральных органах Туркестанской АССР. В последующем руководил Туркменской научной комиссией (1921), Государственным ученым советом (1924) и Институтом туркменской культуры (1928), которые были первыми официальными государственными учреждениями, непосредственно занимавшимися разработкой практических и теоретических вопросов туркменского языка. В начале 1920-х годов он был редактором и членом редколлегии газет и журналов, издававшихся в Ташкенте на туркменском языке. Занимался активной редакторской деятельностью и в последующие годы.

Обладая хорошими организаторскими способностями, К. Бориев сплотил вокруг себя лучших языковедов, сыгравших большую роль в решении нелегких задач языкового строительства того времени. Он поддерживал деловые отношения с А. С. Алиевым, М. Гельдыевым, А. П. Поцелуевским, А. Н. Самойловичем, Б. В. Чобан-заде, К. К. Юдахиним и др. и руководил коллективом ученых, которые при его участии начали составлять сравнительный словарь туркменских диалектов и переводной туркменско-русский словарь. Но эти лексикографические работы по независящим от составителей причинам остались незавершенными. В августе 1928 года К. Бориев принимает участие в Международной ярмарке книг и других полиграфических изданий, которая проходила в Кельне (Германия). Там он познакомился с директором Берлинского Азиатского музея, видным тюркологом профессором Альбертом фон Лекоком (*Albert von Le Coq*).

В 1927 году К. Бориев в соавторстве с М. Гельдыевым подготовил и выпустил книгу «Туркменский алфавит, составленный на основе латинских букв», в 1928 году – «Правописания нового алфавита (правила орфографии)», которые не потеряли актуальности и в настоящее время. В 1930 году вышел в свет «Букварь для колхозника», написанный К. Бориевым в соавторстве

с М. Исмаиловым с использованием нового латинизированного туркменского алфавита.

Выступая с многочисленными статьями на страницах периодической печати, К. Бориев внес значительный вклад в разработку вопросов, связанных с развитием туркменского литературного языка, обогащением и упорядочением его терминологии и орфографии. Он одним из первых указал на необходимость соблюдения в туркменской орфографии морфологического принципа. Ряд его работ посвящен переводу делопроизводства на туркменский язык, совершенствованию преподавания туркменского языка в учебных заведениях. В статьях «Первая научная конференция Туркменистана» (журнал «*Türkmen medeniyeti*», 1930. № 3), «Состояние туркменского литературного языка» (Там же. 1930. № 4–5), «Туркменский язык» (Там же. 1931. № 3–4) он рекомендует развивать литературный язык только на основе фактов, распространенных во всех основных туркменских диалектах и говорах. К. Бориев принимал самое непосредственное участие в подготовке и проведении Первой научной конференции Туркменистана (май 1930 года), на которой выступал с основным докладом о путях развития туркменского литературного языка.

Велики заслуги К. Бориева как переводчика. Он перевел на туркменский язык ряд учебников, методических пособий, большое количество общественно-политической литературы. Среди них «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, отдельные работы В. И. Ленина и многое другое.

Кумушали Бориев вместе с А. С. Алиевым является составителем «Русско-туркменского словаря» 1929 года – первого двуязычного лексикографического труда туркменских языковедов советского периода. Издание словаря, включившего 20 тысяч слов русского языка и их туркменские эквиваленты, стало крупным событием в культурной жизни республики 1920-х годов. Несмотря на отдельные недостатки, словарь сыграл заметную роль в расширении туркменско-русского двуязычия. Одним из достоинств словаря является то, что составители в большинстве случаев то или иное русское слово сознательно переводят не одним словом, а целым рядом близких по значению лексем, существующих в туркменских диалектах и говорах. Это, с одной стороны, обеспечило доступность семантики включенных в словарь слов русского языка для носителей всех диалектов и говоров, а с другой – имело важное значение для дальнейшего обогащения лексики туркменского литературного языка. «Русско-туркменский словарь» долгое время оставался почти единственным руководством для переводчиков и лиц, изучающих русский или туркменский язык (лишь в 1948 году вышел более полный «Русско-туркменский словарь» Ш. Батырова и И. Г. Карпова, а объемы словника

карманных двуязычных словарей конца 1930-х годов, естественно, были небольшими), заслуги его составителей в связи с репрессиями в отношении К. Бориева в 1932 году временно были забыты.

К. Бориев провел в сталинских застенках пять долгих и мучительных лет, его жизнь прервалась в 1937 году. Наряду с другими представителями туркменской культуры того периода он был обвинен в причастности к антисоветской организации «Türkmen Azatlygy». В документах ЦК Компартии Туркменистана, относящихся к 1930-м годам, встречается политический термин «бориевщина», который имеет явное антисоветское содержание. Отметим также, что в те годы подвергались репрессиям многие специалисты по другим тюркским языкам [1].

Почти во всех публикациях последних лет (в том числе в ряде наших статей), согласно архивной справке, выданной 3 марта 1971 года его дочери Аиде Бориевой, годом смерти К. Бориева указывался 1942 год. Но архивные документы, обнародованные в последнее время, позволяют уточнить дату его смерти и конкретное место, где он отбывал наказание. Дело по обвинению Кумушали Бориева было пересмотрено 17 июля 1958 года Военным трибуналом Туркестанского военного округа, решением которого постановления от 10 мая 1933 года и 9 октября 1937 года в отношении К. Бориева были отменены и он был реабилитирован посмертно.

Доброе имя К. Бориева полностью восстановлено, но до последнего времени в работах ученых совсем не упоминалось или упоминалось вскользь. Между тем изучение его богатого наследия убеждает, что бескорыстное служение народу и любимому делу – вдохновляющий пример для подрастающего поколения.

ОРАЗМАММЕД ВЕПАЕВ (1885–1937)

Оразмаммед Вепаев (по старой орфографии: Ораз Мамед Вафаев; по-туркменски: Orazmämmed Weraýew) является одним из 1111 (одной тысячи ста одиннадцати) заключенных соловецкой тюрьмы, которые были расстреляны в Сандармохе с 27 октября по 4 ноября 1937 года.

Оразмаммед Вепаев после местной школы (мектеб) поступает учиться в медресе в Бухаре, после завершения которого его в составе группы бухарской молодежи отправляют в Турцию для продолжения обучения. О. Вепаев окончил военное училище, потом обучался на юридическом факультете Стамбульского университета (Дарульфунун). В штабе войск турецкого генерала Нури Паши, захватившего в 1918 году Баку, он прибыл в Азербайджан, оттуда на корабле через Каспийское море вернулся в Туркменистан в униформе турецкого офицера. Нет точных данных о деятельности О. Вепаева в период Гражданской войны 1918–1920 годов, но можно с уверенностью предположить, что он находился

на стороне красных. В последующие годы работал в органах правосудия, руководил областным отделом просвещения в Дашогузе. Почувствовав приближающуюся опасность, О. Вепаев в конце декабря 1930 года эмигрировал в соседний Иран к туркменам этой страны. Через два года агенты ОГПУ обманным путем (пообещав полную амнистию, работу по специальности и т. п.) вернули его в Туркменистан и сразу же взяли под стражу.

Литературное творчество О. Вепаева подверглось жесткой критике в первой части статьи Ораза Тачназарова (О. Таш-Назаров), напечатанной на страницах журнала «Туркменоведение» (1931. № 5–6. Май – июнь) под названием «Лицо врага. О классовой борьбе в туркменской художественной литературе». Она была полностью посвящена «анализу» появившихся в периодической печати стихов Оразмаммеда Вепаева. Мы приводим ряд характерных цитат из этой статьи (тем более что указанный журнал уже давно является библиографической редкостью):

«Одним из ярких примеров “проявления” классового врага на культурном фронте, в частности в литературе, служит некий “туркменский” поэт Вафаев, имя которого известно туркменским трудящимся, как имя заядлого националиста. В журнале Токмак № 21 1925 года напечатано стихотворение Вафаева под заголовком: “Забавляющимся орфографией”. Вот выдержки из него:

*В ком сохранился тюркский дух –
придите, подымите нас.
Исправив нашу орфографию,
направьте нас против врага.
Но, помогая, “кто во что”,
язык творящих насмешите.
Разбить его хотите?... Лучше
скорей садитесь в поезда...*

Таким образом, уже в этом маленьком и как бы невинном стихе, помещенном в юмористическом журнале, Вафаев вполне откровенно обнажает свое лицо... По мере обострения классовой борьбы и они все ярче отражают в своих произведениях злобствующее бессилие классового врага, его идеологию. В этом отношении уже не может быть ошибки и сомнений в том, что Вафаев есть идеолог пантюркизма, хотя в то же время он является и ярким националистом. Он открыто обращается в процитированном выше стихе именно к тем, которые имеют “тюркский дух”, и ищет с ними союза для борьбы против своего врага – пролетариата, который (враг), конечно, не лично Вафаева, а класса, идеологию которого защищает Вафаев...

Он, будучи кандидатом в члены партии с 1927 года, из Ташауза писал письмо одному литератору и задавал ему такие вопросы, в которых даже не пытался скрывать своей злобы и враждебного отношения к партии и советской власти:

*Дорогой Кербабаев, к тебе мой вопрос:
Сколько лет еще нужно,
чтобы открыть глаза туркмен?...
Оглянись вокруг и ответь мне потом:
Чтобы нам разбудить наш народ,
какой нужен язык?...*

Неужели туркменские трудящиеся еще спят? Кому нужно это нелепейшее утверждение? Это могут говорить только слепые или сознательно нежелающие видеть

это великое дело, за которое активно борются пролетарские и полупролетарские массы Туркмении уже десяток лет. Вафаев не слеп. Значит, в нем говорит классовый враг, который не может и не хочет видеть, что трудящиеся Туркмении уже давно открыли глаза...

Вафаев продолжает свои вопросы, еще более обнажая свою “целеустремленность”:

*Строит кто-нибудь дом,
забывая проверить фундамент?
Рухнут на голову стены,
замысел весь погребя.
Какая цена головы,
если не решишь задачу:
Фундамент ли строить для дома –
или камни класть как попало...*

Господин Вафаев сомневается в крепости фундамента советского строительства и утверждает, что большевики хотят делать то, что им не по силе, что они сами не понимают того, что намечают делать. А если так – то не будут ли разваливаться эти дома на их же голову и уничтожать самих строящих? Все враги советской власти утверждают это заодно с Вафаевым и кричат во все горло, что, мол, большевики не способны что-нибудь создать, что они работают на “авось”, что все их строительство рухнет на их же голову. Эти вопли уже настолько приелись, что нет надобности еще раз разоблачать их нелепость» [8: 51–53].

Подобная оценка была характерна для работ туркменских литературоведов, изданных в советский период. Лишь 26 ноября 1997 года на страницах «Мугаллымлар газети» («Учительская газета») под рубрикой «В помощь учителям литературы» появляется наша статья «Поэт и прозаик», где впервые наследие О. Вепаева оценено положительно. В 2007 году литературный журнал «Гарагум» («Каракумы». № 12) опубликовал статью о нем под заголовком «Гордость поэта». В работах ученых, вышедших в последние годы, сочинения О. Вепаева характеризуются как произведения джадидского (новаторского) периода, который в истории туркменской литературы хронологически занимает место между классическим и советским периодами. Лучшие и преданные сыны народов стали безвинными жертвами советской системы, в создании которой, как ни парадоксально, они участвовали сами, конечно, не подозревая об этом. Одним из них и стал Оразмаммед Вепаев.

СЕЙИТМУРАД ОВЕЗБАЕВ (1889–1937)

Из данных интернет-сайта «Офицеры Российской Императорской Армии» узнаем, что в списке командиров подразделений Осетинского конного дивизиона на 1 января 1910 года с дислокацией в Ставрополе среди 17 офицеров указан корнет Овез-Баев Сеит Муратович (по современной орфографии: Овезбаев Сейитмурад; по-туркменски: Sevitmyrt Öwezbaýew). В списке, составленном годом раньше, то есть на 1 января 1909 года, среди офицеров Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, находившегося

в те годы в селе Кёши, что под Ашхабадом, указан поручик милиции Баев Нияз-Мурад-Овез. В действительности должно быть: Овез-Баев Нияз-Мурад, по современному правописанию: Овезбаев Ниязмурад, который был старшим братом упомянутого выше корнета Сейитмурада Овезбаева.

Из имеющейся справочной литературы известно, что Осетинский конный дивизион, созданный 26 октября 1891 года на основе двух осетинских эскадронов (1887–1888), осенью 1915 года высочайшим приказом был переформирован в Осетинский конный полк. В свою очередь, Туркменский конно-иррегулярный дивизион, созданный 7 ноября 1892 года на основе Туркменской конной милиции (1885), в начале 1911 года был переформирован в Туркменский конный дивизион, а летом 1914 года – в Туркменский конный полк, который 31 марта 1916 года высочайшим повелением был переименован в Текинский конный полк, поскольку полк состоял в основном из представителей туркмен-текинцев Ахала и Мерва. Бойцы этих двух полков на фронтах Первой мировой войны показали яркие примеры храбрости, мужества и героизма во славу Российской империи. Далее будем вести речь лишь об одном из них, а именно о младшем из упомянутых выше двух братьев Овезбаевых – Сейитмураде Овезбаеве.

Он родился 10 мая 1889 года в семье Овезбай-арчина – старосты села Ызгант (исторически: Огузкент), активного участника обороны Геоктепинской крепости в 1879 и 1881 годах. После окончания русско-туземной школы молодой Сейитмурад по совету отца поступает в Оренбургский кадетский корпус, окончив который становится офицером царской армии, участвует в составе добровольческого Туркменского (Текинского) кавалерийского полка в боях Первой мировой войны в 1914–1917 годах на Австрийском и Германском фронтах. Младший командир Сейитмурад Овезбаев и его джигиты-кавалеристы в боевых действиях всегда отличались отвагой. В мае 1915 года поручик Овезбаев был награжден орденом Святого Станислава III степени, а в феврале 1916 года – орденом Святой Анны III степени. Через три месяца Сейитмурада Овезбаева производят из поручика в штабс-ротмистры.

Туркменский кавалерийский полк 23 ноября 1914 года разгромил германскую пехоту под деревней Дуплице-Дуже. 28 мая 1916 года бойцы полка отличились в бою у Доброноуца. В результате стремительной атаки они уничтожили около 2000 и взяли в плен около 3000 австрийцев, захватили большое количество артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, боеприпасов, лошадей и т. д. Многие всадники Туркменского полка, как и сам Сейитмурад Овезбаев, были

сыновьями героических защитников знаменитой Геоктепинской крепости в 1779 и 1881 годах, их отцы сражались против регулярной русской армии, теперь они по воле судьбы в составе этой армии участвовали в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Следует отметить, что в составе Туркменского (Текинского) кавалерийского полка воевал взвод, который был сформирован из числа киргизов (казахов) Мангышлакского уезда Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства (края). Рядовые воины-казахи собственными глазами убедились в организаторских способностях штабс-ротмистра Сейитмурада Овезбаева. Туркмены и казахи, как и все местные жители Средней Азии, по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. Поэтому Туркменский кавалерийский полк был добровольческим и полностью содержался за счет пожертвований местного населения Закаспийской области. «Закаспийская туземная газета», издававшаяся в 1914–1917 годах на туркменском языке в Ашхабаде, постоянно информировала читателей, как туркменское и казахское население области материально поддерживало своих джигитов, воевавших вдали от родных мест.

Свержение русского царя – Ак падишаха в феврале 1917 года для бойцов Текинского полка, так и для Сейитмурада Овезбаева, было чем-то сверхъестественным. Полк официально был расформирован в Киеве. Добровольцы были разочарованы, но остались верными своим командирам и Отечеству. В целом 1917 год стал трагическим для Текинского полка. После того как Корнилов стал Верховным Главнокомандующим (19 июля 1917 года), Текинский полк был переведен в Могилевскую ставку, а его отдельная сотня составляла конвой Корнилова во время пребывания генерала на Московском государственном совещании. В августе 1917 года начинается Корниловское выступление (мятеж), так называемая корниловщина. Распоряжением командующего 8-й армией генерала Л. Г. Корнилова из числа добровольцев Текинского полка был выделен отряд для охраны Штаба армии. Текинцы осуществляли охрану «быховских узников» – генерала Корнилова и ряда офицеров и гражданских лиц (в том числе генералов А. С. Лукомского, А. И. Деникина, С. Л. Маркова), арестованных Временным правительством по делу о так называемом Корниловском мятеже. Свидетельством верности туркмен-текинцев и казахов своему командиру является тот факт, что никто из них не поддавался агитации Могилевского совета и не покинул Быхов. В случае если бы это произошло, узников ожидала бы неминуемая расправа со стороны солдат. В октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто большевиками. Но при

этом А. Ф. Керенский некоторое время оставался формально Верховным Главнокомандующим, а на посту начальника его штаба по-прежнему был генерал Н. Н. Духонин. Именно по его приказу 19 ноября 1917 года были освобождены из заключения «быховские узники». А следующей ночью Текинский конный полк (24 офицера, около 400 всадников и два офицера Георгиевского батальона) во главе с Корниловым походным порядком выступил на Дон. Поход был крайне трудным, не хватало теплых вещей, оружия, патронов. В столкновениях с отрядами красных было потеряно более половины состава полка. 27 ноября 1917 года в бою у разъезда Песчаники под Унечей три офицера и 264 всадника попали в плен и были помещены в брянскую тюрьму. 30 ноября в деревне Нагара Корнилов отпустил текинцев по домам, взяв с них клятву верности. 6 декабря 1917 года Корнилов и его сподвижники прибыли в Новочеркасск. В начале января 1918 года в Новочеркасск прибыла партия туркмен-текинцев, около сорока человек, которых Корнилов также отпустил по домам, выдав предварительно по 25 рублей на дорогу. До конца с Корниловым, которого по личной инициативе его адъютанта-туркмена Хана Хаджиева джигиты-туркмены и казахи продолжали называть «Верховный» даже после передачи им командования Добровольческой армией генералу М. В. Алексееву, осталось 6 человек текинцев и один казах из киргизского (казахского) взвода полка, вошедших в его личный конвой и прошедших с ним весь путь, вплоть до самой гибели Корнилова 31 марта 1918 года под Екатеринодаром. Нужно отметить и то, что генерал Корнилов очень ценил верных туркмен-текинцев и казахов, всегда разговаривал с ними на их родном языке. Ибо, будучи капитаном царской армии, он еще в конце XIX столетия служил в Закаспийской области и изучал язык местного населения.

Всего до своей родины – Туркмении и Казахстана – из бойцов Туркменского (Текинского) полка в конечном итоге добралось не более 100–150 человек, среди них был и Сейитмурад Овезбаев. Он участвовал в боях Гражданской войны, развернувшейся в Закаспийской области в 1918–1920 годах, командовал большим отрядом белогвардейских войск, которые под командованием туркменского генерал-майора Ораз-сердара вели войну против Красной армии.

Как видный военный деятель из местного населения полковник Сейитмурад Овезбаев был избран военным министром заочно и в качестве как бы ассоциированного члена введен в состав правительства Туркестанской (Кокандской) автономии (с ноября – декабря 1917 до февраля 1918 года, центр – г. Коканд), возглавляемой вначале Мухамеджаном Тынышпаевым (1879–

1938), а затем Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941). По существу Туркестанская (Кокандская) автономия была неким, пусть неудачным и кратковременным, прототипом независимых государств, появившихся в Центральной Азии после распада Советского Союза в 1991 году.

Сейитмурад Овезбаев как военный специалист не был востребован советской властью. Никому из бывших джигитов-кавалеристов, возвратившихся в родной Туркменистан, в советское время не были оказаны надлежащие почести, которые заслужили ветераны мировой войны. Многие бывшие офицеры-туркмены были репрессированы. Накануне ареста в 1932 году 43-летний Сейитмурад Овезбаев работал рядовым экономистом-плановиком в Госплане республики. Эти и некоторые другие биографические данные о нем мы находим на сайте, который содержит важные сведения о жертвах советского режима в 1937–1938 годах. Сейитмурад Овезбаев был реабилитирован 17 июля 1958 года.

Автора данной статьи как филолога-культуролога наряду с другими фактами жизни Сейитмурада Овезбаева заинтересовало также его научное и литературное наследие. Оказывается, во второй половине 1920-х годов он выступал со своими статьями на страницах периодической печати. Так, в первом номере журнала «Туркменоведение» за 1927 год опубликована его статья под названием «Гони бек», в которой в форме воспоминаний анонимного участника-туркмена Геоктепинского сражения (скорее всего, это были воспоминания отца самого С. Овезбаева) рассказывается о трагических событиях 1879

и 1881 годов. В четвертом номере журнала за тот же год читатели познакомились с туркменскими пословицами и поговорками в переводе на русский язык, осуществленном С. Овезбаевым с туркменского оригинала, которые были собраны и изданы видным туркменским филологом Мухаммедом Гельдыевым (1889–1931) в виде отдельного сборника в 1925 году в Ашхабаде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовые репрессии 1930-х годов, охватившие почти все слои многонационального советского общества, значительно тормозили развитие национальных литератур и культур в целом. Ибо в ходе репрессий были отстранены от творческой работы путем заключения в тюрьмы на длительный срок или же подвергались физическому уничтожению многочисленные представители национальной интеллигенции, как это случилось с видными деятелями-туркменами К. Бориевым, О. Вепаяевым и С. Овезбаевым. Не должно быть оправдания существовавшего тогда режима. В настоящее время Туркменистан, статус постоянного нейтралитета которого подкреплен дважды специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 годах, входит в число тех государств мира, где законодательно отменена смертная казнь и суды не имеют право выносить смертный приговор в отношении осужденных. Это по существу является своеобразным покаянием государства перед душами безвинно убиенных в ходе расправ над своими политическими противниками, а также олицетворением непреходящей памяти современных поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 295 с.
2. Ленинградский мартиролог. Том 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/2/120>; <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/0/300>; <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/16> (дата обращения 16.07.2018).
3. Соегов М. Ассоциированный член правительства «Кокандской автономии»: военный министр Сейитмурад Овезбаев // Тюркологии. Научный журнал Международного казахско-турецкого университета им. Ахмета Ясави. 2012. № 4. С. 71–75.
4. Соегов М. Несправедливая критика, или Как разоблачали автора «враждебной» поэзии в 1931 году (Об О. Вепаяеве) // Тюркская филология в свете современных достижений: Сборник материалов Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. Стерлитамак, 2015. С. 262–266.
5. Соегов М. О туркменской делегации, участвовавшей в работе Первого Тюркологического съезда // Тюркология. 2016. № 3 (июль – август – сентябрь). С. 71–77.
6. Соегов М. Туркменские соратники Бекира Чобан-заде: К. Бориев и М. Гельдыев занимались теми же вопросами и их настигла та же участь, что и его // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 14–23.
7. Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: первая половина XX века // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. Казань, 2007. С. 335–347.
8. Таш-Назаров О. Лицо врага. О классовой борьбе в туркменской художественной литературе // Туркменоведение. 1931. № 5–6. С. 51–55; № 7–8. С. 82–88.
9. Soeğov M. Turkestanec Kumushali Borıyev // Eldik-ruhani zhaңygy zhәne “Mәdeni myra” bagdarlamasy: izdenis, tazhribe, nәtizhe. Halykaralyk gylymi-teorijalyk konferenciya materialdary. Astana, 2008. S. 20–25.
10. Соегов М. Кумушшале Бориев // Туркмен дили ве эдебияты. № 4. Ашгабат, 1993. С. 41–43.
11. Söyegov M. Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. Kerkük, 2011. S. 14–20.
12. Söyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

Soyegov M., National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat, Turkmenistan)

SONS OF TURKMENISTAN IN SANDARMOKH

The article tells about the life of three prominent political figures of Turkmenistan, who were executed in Sandarmokh (Karelia, Russia) on October 27, 1937 – on the 13th anniversary of the establishment of the Turkmen Soviet Socialist Republic. The aim of the article is to reconstruct the biographies of these people, who were the victims of Stalin's purges. The analysis of specific new materials enables to conclude that the notorious 58th article (aimed against counterrevolutionary activity) of the RSFSR Criminal Code of 1926 (and its subsequent editions) formed the legal basis for carrying out mass repressions by punitive bodies, especially in the 1930s, with the peak of this purges reached in 1937 and 1938. Three prominent Turkmen political figures – Kumushali (Kumush Ali) Boriyev (1896–1937), Orazmammed Vepayev (Oraz Mamed Vafayev, 1885–1937) and Sejtimurad (Seid Murad) Ovezbayev (1889–1937) – did not escape the common destiny. On May 10, 1933, they were sentenced to 10 years in prison, and on October 9, 1937, were sentenced to capital punishment. This information is presented to a wide audience for the first time.

Key words: repressions, Sandarmokh, Turkmenistan, Kumushali (Kumush-Ali) Boriyev, Orazmammed (Oraz Mamed Vafayev) Vepayev, Sejtimurad (Seid Murad) Ovezbayev

REFERENCES

1. Ashnin F. D., Alpatov V. M., Nasilov D. M. Repressed Turkology. Moscow, 2002. 295 p. (In Russ.)
2. Leningrad martyrology. Volume 6. Available at: <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/2/120>; <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/0/300>; <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/16> (accessed 16.07.2018). (In Russ.)
3. Soyegov M. Associate member of the Government of “Kokand Autonomy”: Minister of War Sejtimurad Ovezbayev. *Tyurkologii. Nauchnyy zhurnal Mezhdunarodnogo kazakhsko-turetskogo universiteta im. Akhmeta Jasavi*. 2012. No 4. P. 71–75. (In Russ.)
4. Soyegov M. Unfair criticism, or How the author of “hostile” poetry was exposed in 1931 (About O. Vepayev). *Turkic Philology in the Light of Modern Achievements: Proceedings of International Research and Practice Conference. Part 1*. Sterlitamak, 2015. P. 262–266. (In Russ.)
5. Soyegov M. The Turkmen delegation at the First Turkic Congress. *Turkology*. 2016. No 3 (July – August – September). P. 71–77. (In Russ.)
6. Soyegov M. Turkmen colleagues of Bekir Choban-zade: K. Boriev and M. Geldiyev were engaged in the same issues and faced the same fate. *Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Ser. Philology. Social Communications*. 2012. Vol. 26 (65). No 1. Part 1. P. 14–23. (In Russ.)
7. Soyegov M. The Turkmen language in the biobibliographies of its researchers: the first half of the XX century. *East – West: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia*. Issue 8. Kazan, 2007. P. 335–347. (In Russ.)
8. Tash-Nazarov O. The face of the enemy. Class struggle in the Turkmen literature. *Turkmen Studies*. 1931. No 5–6. P. 51–55; No 7–8. P. 82–88. (In Russ.)
9. Soyegov M. Turkestanec Kumushali Boriyev. *Eldik-ruhani zhangyru zhane “Madeni myra” bagdarlamasy: izdenis, tazhibe, natizhe. Halykaralyk gylimi-teorijalyk konferenciya materialdary*. Astana, 2008. S. 20–25. (In Russ.)
10. Soyegov M. Kümüşaly Böriyev. *Türkmen dili ve edebiyaty*. No 4. Ashgabat, 1993. S. 41–43.
11. Soyegov M. Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın. *Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi*. Sayı: 37 Şubat. Kerkük, 2011. S. 14–20.
12. Soyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar. *Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi*. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

Поступила в редакцию 16.07.2018